

МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ ТРИАДА «МЫСЛЬ–СЛОВО–ДЕЛО»

Г.М. Васильева

Новосибирский государственный
университет экономики и управления

vasileva_g.m@mail.ru

В статье исследуется известная триада «Мысль–Слово–Дело». Она обретает статус общезначимой парадигмы сознания и поведения человека. Данная топика образует тот «мотивировочный» контекст, который является главным в творчестве Гёте. Рассматривается этико-семантическое ядро трагедии «Фауст» «В Начале было». Это текст-символ благодаря его исключительной глубине и статусу в пространстве культуры.

Ключевые слова: триада, традиция, договор, лестница, нмя, сила.

Я не скажу ничего от себя.

Иоанн Дамаскин

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это – Бог.
Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.
Н. Гумилев. Слово (1921)

Тема Начала отчетливо мифологизирует трагедию Гёте «Фауст». Жажда первоисточков в полной мере насыщается лишь мифом, органически мыслящим в категориях первичности. Такое прикосновение к архетипам является «пластической силой творчества образов» (выражение А.Н. Веселовского). Она способна творить самостоятельно, вне зависимости от идеи, сюжета. Слова напряженного и интенсивного при-

тяжения, «сгущенной» семантики входят в сакрализованные, обычно закрытые тексты. И те сами «предлагают» возможные семантические мотивировки.

Мысль, воплощающаяся в слове, указующем дело и в нем реализующем мысль (ему, слову, предшествующую), – известная триадическая схема. У ее истоков лежит множество разных традиций, включая античную и христианскую. Триада засвиде-

тельствована сходными показаниями древнеиндийской, авестийской и древнегреческой культур. Мифопоэтические триады сакрально значимы: они состоят не из случайных элементов, так или иначе репрезентирующих трехчастную модель Вселенной. В триаде снимается противопоставление составляющих ее членов. Подобные образования указывали на многосоставность и завершенность, целостность. Триада обретает статус некой общезначимой парадигмы сознания и поведения. Действительное открывается через истину: если о нем можно мыслить, оно может быть высказано и оно существует.

Сущность инициаций в мистериях раскрывают три термина – λεγομενα (legomena – то, что было сказано), δεδομενα (dedomena – то, что было сделано) и δεικνυμενα (deiknomena – то, что было показано). основоположная триада существует в двух «порядках». Первый – Эпиметеев порядок: Дело–Слово–Мысль. Он определяет путь. Ему сопутствует другая триада, сопряженная с местом: вещь–имя–образ. Второй – Прометеев порядок: Мысль–Слово–Дело. С ним связана триада «я, другие и весь мир» (личность, общество, природа). Мысль и слово человека объединяют его с людьми, миром-общинной¹.

Парменид в философской поэме «О природе» («Περὶ φύσεως») связывал элементы мифопоэтической триады «Мысль–Слово–Дело». Парменид отделяет друг от друга путь Логоса и не-путь, лабиринт, «палитроп» (παλιτροπ, где Логос теряется), путь смысла и путь бессмыслия. Это по-

¹ В одноактной опере Рихарда Штрауса «Саргиссио» (1941), на либретто Клеменса Крауса, два персонажа спорят о том, что было в Начале: «prima la musica dopo le parole» или «prima le parole dopo la musica». Наконец они решают, что это – «Bruder und Schwester».

зволяет реконструировать триаду благая мысль–благое слово–благое дело.

«О началах» («de natura juxta propria principia») – распространенное название древних натурфилософских сочинений². Одной из характеристик античной культуры является постоянное взвешивание (лат. ponderatio, греч. πονδεραιτιο) парных начал, поиск состояния их подвижной уравниваемости на основе меры и пропорции. В сочинениях Аристотеля поступки, мысли связаны между собой заветом полноты.

Платон говорил, что человек может иметь тройную свободу: «все мы, люди, вместе как-то способнее ко всякому делу, слову и мысли» (348 d)³. Необходимо быть ответственным за мысль прежде всего, поскольку здесь – в мысли, замысле, в смысле – коренятся все дела и деяния. Возникает образ самосознания человека как «мыслящего тростника» Паскаля. Он со всех сторон окружен чуждой, потусторонней протяженной субстанцией. Лишь с помощью знания она претворяется в силу практического действия (по схеме Бэкона: scientia potentia est, знание – сила). Дж. Вико писал об этой триаде в своем труде «Principi di scienza nuova d'intorno alla commune natura delle nazione» (1725). Человек, сказал Вико, есть тело, речь и ум (corpo, parola, mente). Они возникли именно в таком порядке⁴.

² Одно из них приписывали Фалесу.

³ Платон. Протагор / Платон. – Собр. соч.: в 4 т.; под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. Вл. С. Соловьева. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 461.

⁴ В книге IV – «О поступательном движении, совершаемом нациями» – Вико выделяет несколько триад. Например, «три вида Природы», «три вида Нравов», «три вида Естественного Права», «Три вида Языков» и т. д. – Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Дж. Вико; пер. с итал. и ком. А.А. Губера; под общей ред. М.А. Лифшица. – Л.: Худ. лит., 1940. – С. 378–428.

И можно предположить, что аналогичны трем современным понятиям: миф, ритуал, символ.

Таким образом, триада выступает как достаточно четкий исторический и культурный индекс, что делает его надежным критерием. Данная топика образует тот «мотивировочный» контекст, который нужно признать важным в творчестве Гёте. Он обладает наибольшей «разрешительной» силой. Поэт обыгрывает традиционную тему античных «начал». В «Поэзии и правде» есть запись Гёте о И. Г. Гаманне, «северном маге», как его называли современники: Принцип, к которому восходят все высказывания Гаманна, сводится к следующему: «Что бы человек ни задумал совершить – в действиях, в словах или как-нибудь еще, – должно проистекать из объединения всех сил; разрозненное порочно»⁵. Гаманн настаивал на единстве и равновесии всех человеческих способностей⁶.

Миф Слова, развитый у Гёте в несравнимой целостности и богатстве вариаций,

⁵ Гёте И.В. Из моей жизни. Поэзия и правда / И.В. Гёте. – Собр. соч.: в 10 т.; пер. с нем. Н.С. Ман; под общ. ред. А.А. Аникста, Н.Н. Вильмонта. – М.: Худ. лит., 1976. – Т. 3. – С. 433.

⁶ В учении Гаманна истина связана с началом чувственным, физическим, материальным. Абсолютная истина, отделенная от них, недостижима по самим условиям бытия. Для Гаманна, глубоко христианского мыслителя, Бог всегда одет плотью Своего, созданного Им Самим мира. Философ любил афоризм Гипократа: «Все – божественное, но все также и человеческое». Помимо того, для Гаманна творение является примером Божественной «скромности»: не Его «трансцендентности», но Его «снихождения». У человека должна быть смиренная вера, чтобы получать Божии дары так, как они ему даются. Это смирение подобно заботе, преданности, нежности и теплоте к «другому», обретаемому в друге, в возлюбленном. – См.: Alexander W.M. Johannes Georg Hamann: Philosophy and Faith. – The Hague: Nijhoff, 1966. – P. 181.

так или иначе принадлежит общему кругу забот разных поэтических школ. Примеров много: магическое тождество имени и вещи в мифических текстах; средневековая словесность и ее библейские образцы (в особенности образы псалмов и пророческих книг). Барокко с рациональной последовательностью проводило тему панзнаковости мира (например, Джон Донн. «Devotions Upon Emergent Occasions», XVII).

Перевод фрагмента «Im Anfang war» из «Фауста» Гёте

Faust

Aber ach! schon fühl ich, bei dem besten Willen,
Befriedigung nicht mehr aus dem Busen quillen.
Aber warum muß der Strom so bald versiegen
Und wir wieder im Durste liegen?
Davon hab ich so viel Erfahrung.
Doch dieser Mangel läßt sich ersetzen:
Wir lernen das Überirdische schätzen,
Wir sehnen uns nach Offenbarung,
Die nirgends würdiger und schöner brennt
Als in dem Neuen Testament.
Mich drängts, den Grundtext aufzuschlagen,
Mit redlichem Gefühl einmal
Das heilige Original
In mein geliebtes Deutsch zu übertragen.
Er schlägt ein Volum auf und schicket sich an.

Geschrieben steht: «Im Anfang war das **Wort**!»
Hier stock ich schon! Wer hilft mir weiter fort?
Ich kann das Wort so hoch unmöglich schätzen,
Ich muß es anders übersetzen,
Wenn ich vom Geiste recht erleuchtet bin,
Geschrieben steht: Im Anfang war der **Sinn**.
Bedenke wohl die erste Zeile,
Daß deine Feder sich nicht übereile!
Ist es der Sinn, der alles wirkt und schafft?
Es sollte stehn: Im Anfang war die **Kraft**!
Doch auch indem ich dieses niederschreibe,

Schon warnt mich was, daß ich dabei nicht bleibe.

Mir hilft der Geist! auf einmal seh ich Rat
Und schreibe getrost: Im Anfang war die **Tat!**⁷
(«Studierzimmer»).

Но, ах! Где воодушевление?
Поток в груди иссяк, молчит.
Зачем так кратко вдохновение,
И снова жажда нас томит?
Что ж, опыта не занимать,
Как обойтись с нехваткой нашей:

Мы снова ищем благодать,
И Откровение вновь жаждем,
Которое всего сильнее,
В Евангелии пламенеет.
Не терпится прочесть исток,
Чтобы однажды, с добрым сердцем,
Святой оригинал я смог
Перевести на свой немецкий.

Открывает книгу и начинает переводить.

Написано: «В Начале было **Слово!**»
Вот здесь я запинаясь. Как мне быть?
Столь высоко мне Слово оценить?
Перевести я должен снова,
Коль осенен небесной силой.

Написано: «В Начале **Чувство** было».
Обдумай лучше первую строку,
Чтобы перо не сбилось на бегу.
Возможно ли, чтоб Чувство все творило?
Должно стоять: «Была в Начале **Сила!**»

Записываю, зная наперед,
Что не годится снова перевод.
Вдруг Духа вижу я совет и смело
Пишу: «В Начале было **Дело** (перевод
мой – Г. В.).

Статус фрагмента «Im Anfang war» и его структура. Фауст, читающий Библию, соотносится не только с Иоанном.

⁷ Goethe I.W.v. Werke: in 14 Bde. – München, Verlag C.H. Beck, textkritisch durchgesehen und kommentiert von E. Trunz.. – 13 Aufl. – 1989. – Bd. 3. – S. 43–44.

В воображении эпохи небольшое расстояние разделяло фигуру св. Иоанна, увлеченного на небеса, и Ганимеда, унесенного Зевсом. Уже в поэме «L'Ovide moralise» («Овидий-моралист», начало XIV в.) Ганимед толкуется как прообраз св. Евангелиста Иоанна, орел представляет Христа. Ганимед – герой гимнического стихотворения Гёте («Ganimed», 1877) – один из его любимых образов. Приведем цитату Э. Панофски из «Commento di Dante» Ландино: «Ганимед означает *mens humana* (здесь: человеческой души), возлюбленного Юпитером, высшим существом [...] Отделившись от тела, отрешившись от материальных предметов, он всецело посвящает себя созерцанию таинств неба»⁸. Урок был усвоен гуманистами, в частности авторами сборников символов. Первый среди них – основоположник данного жанра Андреа Альчиати («Emblemata», 1531)⁹. По замечанию Панофски, эта интерпретация проясняет загадочный пассаж из письма, которое Себастьяно дель Пьомбо направил 7 июля 1533 г. Микеланджело. Он пишет о куполе Сан-Джованни Эвангелиста: «Мне кажется, там будет уместно поместить Ганимеда; ты мог бы окружить его нимбом. И он сошел бы за св. Иоанна Апокалиптики, уносимого на небо»¹⁰.

Для религиозных книг свойствен ритуально замедленный темп чтения. Здесь же Книга становится сферой движения читательской мысли. Пространственный аспект текста важен так же, как и предметный. Это

⁸ Panofski E. Essais d'iconologie: les themes humanistes dans l'art de la Renaissance / Trad. C. Herbette et B. Teyssèdre. – Paris: Gallimard, 1967. – P. 298.

⁹ Полное название: «Emblemata: Cum Commentariis, Quibus Emblematum omnium aperta origine, mens auctoris explicatur, et obscura omnia»...

¹⁰ Panofski E. Essais d'iconologie. – P. 296.

особый и сложный процесс мышления, весьма преднамеренный и вместе с тем идеально симультанный, равноправный восприятию.

На примере Библии лучше всего может быть показана структура постоянно меняющейся текстовой традиции. Книга представляет собой остановленный (в определенный момент) тысячелетний поток традиции. Здесь видно и приращение, дописывание текстов, параллельное существование вариантов, древние и более новые слои текста. В Библии воплощен синтез различных жанров. Это цветущее дерево, которое в процессе канонизации было превращено в жесткую архитектуру единого и замкнутого в себе здания. Самый важный шаг в создании канона – акт «закрытия». Канонические тексты не могут быть дописаны, требуют дословной передачи¹¹. Им присущ набор структурно необходимых предметов. Предполагается неперемное, нормативное следование. Текстам вменяют, их воплощают в жизнь. Для этого важно сердце, а не только уста и уши. Нужно осознать, сколь длинен путь от слушающего уха, читающего глаза к понимающему сердцу. Такие книги обладают высочайшей обязательностью договора. Человек берет на себя долг по отношению к тексту. И он имеет характер заключения договора. Вскоре клятва обяжет договаривающиеся стороны – Фауста и Мефистофеля – к верности еще одному договору.

¹¹ В Евангелии от Иоанна «говорящий сам от себя ищет славы себе» (7:18). «Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя» (Ин. 14:10). О формуле представительства «говорить/делать не от себя» у Иоанна: Buehner J.-A. *Der Gesandte und sein Weg im 4. [vierten] Evangelium: d. kultur- u. religionsgeschichtl. Entwicklung*. – 2 Aufl. – Tuebingen: Mohr Siebeck, 1996. См. Evans C.A. *Word and Glory: On the Exegetical and Theological Background of John's Prologue*. – Sheffield: Sheffield Academic Press, 1993.

Связь «верности» и «воспроизведения» оказывается общим знаменателем в различных применениях этой формулы. В действии трагедии «второй», следующий, должен примкнуть к предшествующему так тесно, так точно, так «по пятам», как только можно. Толкование, пусть гадательное, необходимо; его не обойдешь при мысленном восстановлении того, что там было на самом деле. Ведь мысль и смысл соотносятся с делом через (чужое) слово. Буквальное понимание годится при точном переводе письменного иноязычного слова. Слово на родном языке требует глубокого понимания. Фауст не просто развернул определенное отношение к евангельской фразе о Логосе. Он выразил полноту принадлежности к ней. Герой не уходил от этой принадлежности в формирование отношения. Выяснить отношения – дело интеллектуального конструирования, относиться в смысле принадлежности – дело поступка. Данный фрагмент трагедии – не воспоминание о библейских событиях, не комментарий, а дальнейший ход рассказа. Библия у Гёте – это священная история, открытая, как в Начале, неутоленное пророчество.

«Im Anfang war» – этико-семантическое ядро трагедии, текст-символ благодаря его исключительной глубине и статусу в пространстве произведения. В нем присутствует «системный» слой и соответствующая стихия. Необходимо взглянуть на него несколько раз, меняя ракурс и степень приближения. Такое разнообразие перспектив – не исследовательская прихоть, но свойство авторского замысла.

Фауст задает себе правило схватывать образы *in statu nascendi* при возникновении, когда они еще обладают синтетическими качествами. Евангельские «уточнения» Фауста – своего рода шифтер изменя-

ющегося времени истории. Они «разыгрывают» важную проблему – реального и потенциального, их синтеза в произведении. Без первого рунится историчность текста, без второго – целостность восприятия описываемого. Рассуждение Фауста о том, что было в Начале, имеет смысл этиологический; это познание в смысле Erkenntnis. В начале, элементе, средоточии, как в семени, содержатся – в неделимом единстве – все измерения: теоретизирование и переживание, этос и эстетис, впечатлительность и воображение.

В данной сцене, похоже (по крайней мере, логически), произошла трансформация в монологическую форму глубинного диалога, из которого постепенно была вытеснена партия второго лица. Генетическая память о «диалогическом» прошлом и следах его в настоящем подтверждается в значительной степени пунктуационной системой текста. Речевая императивность заключена в форму риторического вопроса. На вопросы нет прямых ответов того, к кому они обращены. Четыре двоеточия, шесть восклицательных знаков создают «пунктуационную» ауру, которая типологически часто соприсутствует диалогу.

Степень монотонности (однородности) отрывка в 14 строк весьма велика. Следует обратить внимание на отчетливо выраженную ритмическую и фоническую характеристику. 15 ударных *e*, 27 ударных *u* (т. е. 42 ударных гласных переднего ряда), 8 ударных *ei*. Всему фрагменту присуща жесткая интонационная вычерченность, декламационность. Возникает повтор симметричных формул – то, что называется «структурой-эхом»: «Im Anfang war...». Четыре параллельных предложения стоят на сходных ритмических местах. Они имеют одинаковое вступление (анафора) и разные

продолжения. В оригинале нет признаков синтаксического слома. Фразы приобретают «лествичный» характер. Известно, что в ряде мистических филиаций христианства восхождение духа соотнесено с мысленным восхождением по лестнице. Она стала выступать как универсальная схема, в которую кристаллизуются разные символаобразующие формы (дерево, дом, и т. д.). Лествица Гёте отличается за счет краев – *Wort, Sinn, Kraft, Tat*. Речь идет о несомненной инновации: писатель вводит в триаду еще один уровень. Возникает тетрада, и переходы в ней построены по градуальному принципу.

Одним из признаков поэтики данного фрагмента является усиление роли безглагольного («номинативного») стихового отрезка в строфическом целом. Ключевые слова поставлены в сильную, маркированную позицию: в рифмующем конце строки (point). Логическое ударение на последнем слове делает его ремой (новым сообщением) высказывания. Гёте превращает синтаксически зависимый элемент фразы в независимое, семантически самодевлеющее целое. Язык предстает при этом как собрание имен – собственно говоря, как реестр имен существительных (единственное число, именительный падеж). Происходит созерцание имен. Речь идет о том особом типе заполненности, большой плотности, которая бывает в «инвентарных» списках.

Гёте употребляет самые простые слова, обращается к ресурсам прозрачного названия множества вещей: все четыре слова *односложные*. Их длина становится образом выражаемого ими смысла. Они отличаются мгновенностью, четкостью и энергичностью произнесения. Поэт использует возможности сочетаний односложных слов

для создания особого ритма¹². Фауст видел в слове событие: будто корень его дается Свыше, а другие части достраиваются людьми. Пытаясь мыслить с Начала, Фауст и говорит на языке, как бы снова и впервые возникающем. Односложному слову принадлежат особые полномочия в передаче смысла. Именно его легче всего воспринять как нечленимую монаду и проявление «первозданных» возможностей языка. Односложные слова часто служат обозначениями столь же первозданных реальностей (жизнь и смерть, твердь и хлябь, дух и плоть). В «нагих» корнях есть свобода от покровов, плотность и безусловность. Силы, боги, абстрактные энергии, как правило, оперируют односложными словами. В частности, по этому признаку их и «распознавали» в повседневной реальности¹³. Подобные слова характеризуются большой валентностью в приобретении новых смыслов в тексте; часто вступают в игру с фонетически сходными последовательностями.

Лексемы *Wort, Kraft, Tat* обнаруживают общность слоговой и вокалической структуры (глухие *ʔ*). Лексема *Sinn* образует фонетический контраст. Слова имеют разную акцентно-ритмическую структуру (4-4-5-3 букв). Отсутствует ярко выраженная фонетическая составляющая, которая инерцией влекла бы за собой следующее слово. Вертикальное и горизонтальное соседство слов соотносятся. Оба типа этого соседства

¹² Это следует подчеркнуть, так как писатель проявлял интерес к грамматической стороне длинных словосложений (например, *Fettbauch-Krummbein-Schelme*, толстобрюхокривоногоплать). В идиостиле позднего Гёте есть черты, сопоставимым с классическим санскритом.

¹³ Согласно многим теориям, первичные элементы языка должны быть и были моносyllабичными. См.: Fried M. Inherent vs. derived clisis: evidence from Czech proclitics // *Journal of linguistics*. – 1999. – Vol. 35. – № 1. – P. 63.

в их единстве производят эффект, сопоставимый с рифмой.

Мысль, высказанная Фаустом, сама по себе ясна. С точки зрения рассудка она даже избыточно ясна: зачем четырежды повторять вопрос-утверждение, изменяя по существу только последнее слово. Однако смысл сказанного Гёте не исчерпывается ответом, сколь бы определенно он ни звучал. Рассудок, выделивший в стихе только логическую связь, пожнет слишком мало. Смысл поэтической речи вообще не имеет очерченной локализации в тексте, но обнаруживает себя в движении (или дыхании) целого. В рассуждении Фауста поэтические строки напоминают парадигмы склонения или спряжения. Использован прием сведения языка к основам школьной грамматики и, следовательно, к элементарным частицам языка и существования. Они воплощены в опыте детства и первоначального освоения речи. Эмоциональный спектр воздействия такого микросдвига очень широк. Фразы могут ощущаться не только как архаичные, но и как наивные, детские.

Вернуть словам инхоативное и морфогенетическое измерение означает, по меньшей мере, мыслить имена существительные в их глагольном измерении. Оно сообщает им динамику и интенсивность. Гёте не упрощает и не ослабляет грамматику глагола. Писатель воплощает времена (прошедшее–настоящее), сохранив важное их различие – завершенность–незавершенность: *geschrieben steht*. Смыслы многофункционального глагола «быть» (*sein, war*) располагаются между двумя полюсами – от лексически стертого значения грамматической именной связки до максимально наполненного значения «бытие». Глагол *war* не осуществляет в высказывании темпорального перехода от одного явления к другому. Признак

лексического единства, актуализируясь, выплывает в глаголе идею «бытия». В результате возникают фразы, где описательный контекст соединен с идеей «интенсивного наличия». Глагол «поднят по рангу».

Цепное построение, вытянутое в линию, суммирует возможности каждого понятия. Слова – не пункты некоей таксономии, перечисляемые один за другим, а источники понятий. Они вариант скрытого сравнения, случаи соотношения-отождествления явлений. Одно затмевает другое. В контексте зыбких метаморфических корреспонденций понятия связаны отношениями не субординации, но ограниченной синонимии. Это феномен гетерономии, когда образ «раздваивается», умножает свои лики. Необходимо «перемножить» смысл слов, представить их в синтезе. Архаические выражения мешают разложить синтетическое единство смысла на части. Гёте подчиняет Логос генологическому императиву: свести сущее и бытие к единству. По самой своей идее слово может быть понято именно как целое, что по силам соответствующему целостно-единому сознанию. Только оно способно к аналитическим процедурам. Всякое дело дискретно и доступно исчислению. В человеке же есть та непрерывность и глубина, которая избегает анализа. Она может быть почувствована, иногда и пережита как целое. Если этот таинственный, не растворенный до конца в жизненном деле остаток (его мистический «прикус») был бы известен, то нам бы открылся более глубокий смысл самого *Дела*.

Таким образом, *Wort, Sinn, Kraft, Tat* включаются в контекст «объединяюще-противопоставительного» типа. Если говорить о синтезе, то это род «переходного синтеза». Он не связывает различные перспективы, а осуществляет переход от одной

из них к другой. Явно разделенное оказывается таинственным образом более единым, чем когда оно ищет синтеза на основе минимального общего знаменателя.

Все существует от чего-либо предшествующего, следовательно, от первого начала. Движение в трагедии сокровенно: оно идет от истока к истоку. Тайна восприятия временного измерения жизни заключается в этой теме возвратного пути, палирройи.

Понятийно-метафорическая конструкция лестницы. При переводе желательно сохранить *вертикальную ось* фрагмента. Н.А. Холодковский не вполне отразил эту особенность¹⁴. В переводе Б.Л. Пастернака аплификация – распространение речи героя – разрушает образ лестницы¹⁵. В трагедии ей противостоит *figura serpentinata*. Ее воплощает «пресмыскательная» природа Дявола, извивающегося Змея-искусителя¹⁶. «Wie meine Muhme, die berühmte **Schlange**» [Как моя тетка, знаменитая змея]. Змеиный извив – уклончивость холодного демонического сердца. Аллегории превращают змею в сладкоречивую искусительницу. Мефистофель, подобно «льстивому» Сатане Мильтона, разыгрывает игру личин. Его язык – причудливая речь, пластичная, переменчивая и вечно ускользающая. «Слово» змеи переходит от искушения, произнесенного шепотом, к искушению ироническому. Оно играет соблазном и вслушивается в себя. Наряду с Логосом существует другое слово – извилистое, шатающееся, коле-

¹⁴ См.: Гёте И.-В. Фауст / И.-В. Гёте; пер. с нем. Н.А. Холодковского. – М.: Дет. лит., 1973. – С. 82. – (Серия «Школьная библиотека»).

¹⁵ Гёте И.-В. Фауст / И.-В. Гёте; пер. с нем. Б.Л. Пастернака. Собр. соч. в 10 т. – М.: Худ. лит., 1976. – Т. 2. – С. 47.

¹⁶ Ср. строки Пушкина о шестистопном, александрийском стихе: «Извилистый, проворный, длинный, склизкой / И с жалом даже – точная змея» («Домик в Коломне»).

блющееся, хромающее. Оно выстраивает изощрённую перепутанность речи, своего рода «кривизну».

Если не заметить это противопоставление, исчезает внутренняя ассоциативность лаконичного односоставного заглавия трагедии «Faust» с кругом лексики – Wort, Sinn, Kraft, Tat. Имя оказывается лишенным внутритекстовой парадигматической опоры. Трагедия начинается с имени, выведенного в «претекст». Оно тоже односложное, семантически прозрачное. Эта ономастическая изолированность, выделенность не могла быть случайной. В ней ощущается сознательность замысла и некая предзнаменность. В основных космогонических моделях (Ригведа, Ветхий Завет) мир творится произнесением имен и выкликиванием бытия из небытия¹⁷. Творчество мира номинативно¹⁸. Он рождается как онтологический «текст», как отклик на оклик по имени. Рассуждения Фауста о Начале – «неократилистского» толка. Имеется в виду изложенный Платоном в диалоге «Кратил» взгляд на имя как должное отражать суть вещей¹⁹. Перевод слова «Faust» – не посторонний семантике текста и вполне способен его обо-

гатить. Немецкому читателю антропоним известен в глубинном значении. Faust – не только собственное имя, но апеллятив: «сложение-соединение пальцев», «сжатые пальцы». Имя означает единство как некое корпоративное целое (in corpore)²⁰. В подобном тексте все «собрано в кулак»: устанавливается соответствие между усилиями и результатом, посевом и урожаем, семенем и плодом. Связь между двумя стадиями труда становится осязаемой, чувствуемой, живой, что создает условия для свободного развития смысла. Европейский фон фиксирует эту актуальную семантическую мотивировку.

Второй план имени связан с осознанием его основ как элементов семантического поля «сила». Синтезируется предельно «сильное» множество. Эмотивный ряд свойств, которые сопровождают этот образ, – *сила-обилие, крепость* как особо отмеченная субстанция. Словоупотребление отчетливо маркировано. В имени предполагается энантиосемический комплекс «отразить-отогнать». Он выступает в функции определения силы: оборонительный в отношении чего-то, отражающий от чего-то. Выбывающая из древнего единства *Мысль–Слово–Дело* форма *Kraft, Сила*, является ключом к категориальной семантике целого, семантическим множителем. В немецком языке для выражения силы есть разные слова (Gewalt, Macht, Mühe). *Kraft* соотносится и с физической силой, и со значениями «сверхъестественная сила», «божественная сила», «спасение» (die Rettung)²¹. В данном

¹⁷ Ср. мистерии космогонических номинаций в трактате Майер А.А. Заметки о смысле мистерии (жертва) / Майер А.А. // Философские сочинения. – Paris La Presse Libre. – 1982. – 471с.

¹⁸ Немецкий логик С. Крипке считает, что самым надежным средством связи миров является имя собственное. – Крипке С. Загадка контекстов мнения / С. Крипке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 18. – С. 194.

¹⁹ Ср. в диалоге «Кратил» Платона взаимоотношения идеального образа ткацкого человека с ним и с его сущностью (389в-с). – Платон. Кратил / Платон. – Собр. соч. в 4 т.; под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 620–621. Сам глагол «вертеть» в формуле Гёте помимо чисто технического значения не мог не вызвать ассоциаций с идеей круговращения жизни и смерти, времен года.

²⁰ Единственное число может иметь собирательное значение (индоевроп. цифра «пять» – малый кулак).

²¹ Маковский М.М. Лингвистическая генетика: Проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках / М.М. Маковский. – М.: ЛКИ, 2007. – С. 71.

случае словарное соответствие оказывается соответствием с эмоциональной и ассоциативной точками зрения. Сила – одно из самых употребительных слов для выражения оценки в русском языке. По данным словарей, дериваты этого слова входят в более тысячи устойчивых оценочных контекстов. Шкала велика: от физической мощи до количества, от абстрактного термина до понятия «войско». Как выразитель оценки «сила» обладает различными эмоционально-экспрессивными коннотациями. Слово соотносится с немецкими словами *seele* (душа) и *seil* (трос, канат, то, что связывает)²². *Kraft* и «сила» обладают похожими эмотивными свойствами.

Для Гёте понятие *Faust* – превосходение, смысл – опирается на исходный семантический комплекс. Оно реконструируется приблизительно так: применение силы с целью изменить данное состояние и достичь нового (высшего) состояния. Понятие актуализирует идею прочности, надежности, неразрывности. Разъединение целого приведет к уменьшению силы. Гегель убедительно показал в «*Phänomenologie des Geistes*» (1807), что объяснение феномена через понятие «сила» является тавтологией. Сила, будучи высказанной, уже является феноменом. *Kraft* – «другое» языка. Без него последний не был бы тем, что есть.

Миф сформирован, и все его первоначально разрозненные элементы вполне сложились. Они откристаллизовались и соединились в культурную целостность, обрели интегрирующее их имя – *Faust*. На вершине собрания имен – имя личное. Оно выражает сущность, или эйдос, энергию вещи. Самостоятельная сила, субъектность имени – сюжет данного фрагмента. Имя Фауста является эмблемой. А эмблемы (как это чаще

всего бывает) весьма избирательны. Побочные смыслы попадают в них довольно редко. Если это так, тогда не случайной оказывается и означенная тема силы. Она имеет отношение к самому сюжету, к его поэтическому оформлению. Возникает возможность расширения и усложнения того смыслового пространства, которое порождается текстом и обеспечивает его собственную жизнь в культуре. Если Слово является силой, то потому, что оно создает связь между возвратно-поступательным движением и ритмом, между жизнью и действием. Этот ритм символизируется в движении ног ткача.

Принято, что каждому понятию приписывают порядковые номера, ранги, соответствующие месту в полученной последовательности. В трагедии Гете понятийно-метафорическая конструкция лестницы сопряжена со значением движущей силы. Рассуждения не подчиняются законам логики и правилам классической риторики. Они стремятся к некоему бесконечному утверждению, неспособные состояться ни в форме спора, ни в форме предлагаемых вопросов и ответов на них. Они исключают всякую дискуссию, любые контраргументы и ту работу, что проделывают два человека с разными мнениями, желающие прийти к диалектическому примирению. Если они связаны между собой, то скорее как отдельные элементы некоей законченной фигуры. За каждым выражением лежит процесс оформления и концентрации. Даны только результаты. Их завершенность делает их непогрешимыми, как догматы.

Гёте следует традиции негативной телеологии. Единое, совокупность всех смыслов, обозначается как Божественная Книга. Обязательный для всех минимум: человек связывает себя школой и произрастает в

²² Там же. – С. 59, 60.

аскетике лаборатории. Мысль, та, что себя постоянно удерживает, имеет бесконечные очертания и должна восполнять себя медленными шагами. Пути мысли и грубой силы расходятся. Мысль не имеет отношения к подобной силе. Иначе жизнь подменяется жизнеустройством, планами ее организации. В мысли всегда есть избыточная энергия, которая требует для себя нового определения, нового хода и поворота, нового повторения.

В переводе нам не удалось сохранить односложные слова. Двусложные лексемы – *слово, чувство, сила, дело* – не имеют ударения на последнем слоге. Это затрудняет ритмическое соположение с оригиналом. Только в «нагих» корнях была бы свобода от покровов, плотность и безусловность. Правда, в немецком языке односложных слов гораздо больше, чем в русском. И потому их краткость не может быть столь разительной. Ритмические новшества, основанные на сочетаниях односложных слов, встречаются в русской поэзии реже, чем в немецкой.

Два варианта перевода лексемы Sinn: «мысль» и «чувство». Слово *Sinn* входит в репертуар самых важных слов трагедии. В строке «Im Anfang war der Sinn» оно реализует собственный сюжет и уникальный смысл. Обычно это слово переводят как *мысль*. «Я напишу, что *Мысль* – всему начало»²³. «В начале *Мысль* была. Вот перевод»²⁴. Мы переводим: «В Начале *Чувство* было». Это как раз тот случай, когда поиски верного слова доходят до границ непереводаемого.

В немецком и русском языках объем значения понятий *Sinn* и *мысль* не совпадают.

²³ Гёте И.-В. Фауст / И.-В. Гёте. – М.: Дет. лит., 1973. – С. 82.

²⁴ Гёте И.-В. Фауст. Собр. соч. в 10 т. / И.-В. Гёте. – М.: Худ. лит., 1976. – Т. 2. – С. 47.

ет. На наш взгляд, к энергии и цели тезиса Фауста всего ближе перевод «смысл» или «чувство». В семантике слова *смысл* «спрятана» целенаправленность. Смысл есть направленность движения. Он не сбывается: завершится прибытием в новую местность, которой пока еще нет. Его трудно именовать. Лексема *Sinn* имеет значение «направление, путь»²⁵. Тот же корень в словах *sentire* (лат. чувствовать, думать) и *sensus*, с исходным значением пути. Несомненно, это и *путь мысли*: то, о чем думает человек, на что он решился. В западном лингвистическом контексте понятие сохранило свое ценностное и просветительское звучание. Слово *Sinn* окружено своеобразной «сердечной эмблематикой». Связано со сферой помысла как порождения именно «чувствующе-сердечного» начала. Его смысл – простота души, которая первична, не подвержена расколу и сомнениям, лишена ущербности. Это простота Иова: благодаря ей он праведен, богобоязнен и далек от зла (Иов 1, 1). Мотив пяти чувств, идущий еще от античности, подвергался различным интерпретациям в искусстве разных культурных эпох. В неоплатонической традиции ум, слово, чувства – это неразделимое единство, связанное с ипостасью души. Латинский поэт IV века Авсоний писал: «Чувства еще горячи, но владыкой над ними их царь – ум» («О частях тела»)»²⁶.

²⁵ Согласно одному из самых авторитетных словарей: Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. 6 Aufl. – Gütersloh, Bertelsmann Lexikon Verlag, 1997. – S. 1137.

²⁶ Авсоний Децим Магн. Стихотворения / Децим Магн Авсоний. Изд. подгот. М.Л. Гаспаров, отв. ред. С.С. Аверинцев. – М.: Наука, 1993. – С. 119. – (Серия «Литературные памятники»). М. Путшер изучала мотив пяти чувств в истории культуры: Die fünf Sinne. Beiträge zu einer medizinischen Psychologie / Hrsg. M. Putschner. – München: Heinz Moos, 1978.

Мы бы перевели *Sinn* как «восприимчивость». Причем имеется в виду конкретное, а не общее свойство. Речь может идти о новых, благоприобретенных «восприимчивостях» к явлениям жизни, которые прежде оставались незамеченными. В эпоху Н.М. Карамзина для обозначения восприимчивости было найдено удачное выражение: «тонкие (или нежные) чувства». К сожалению, сейчас оно безнадежно скомпрометировано ироническим употреблением. Разница между этими двумя подходами может быть сформулирована как знаменитое противопоставление в названии романа Джейн Остен «Sense and Sensibility» («Чувство и чувствительность», 1811). Таким образом, немецкое понятие *Sinn* по своему значению достаточно широко, чтобы сравнительно легко и ненасильственно подвергнуться секуляризации. Оно искони характеризует серьезное настроение, сосредоточенное расположение ума и сердца. В русской лексике, как правило, жестко различаются терминологические выражения сферы религиозной. Происходит процесс «языкотворческой» секуляризации: конфессиональное содержание утрачивается, но колорит конфессиональной культуры используется для разных целей. Поэтому поместим наш перевод *Sinn* («в Начале Чувство было...») среди «*dubia*», т. е. среди «вызывающего сомнения».

Слово *чувство* выбрано нами с памятью о символе, *Sinnbild*. Символ вызывает представление о чем-либо отсутствующем. Указание на то, чего недостает, и есть его исходное значение: две вещи составляют единое. Греческий Λογος (в зачине Евангелия от Иоанна), «Wort» в немецком переводе Лютера взывают к восстановлению исходного соположения с «Νοῦς» (Нус). Слово хранит *энергию чувства*, целостности и цели-

тельства. Оно пестуемо традицией гомилетики и мнемотехники. Эта мысль заложена внутри идеи риторики как слова, которое не только само себя «слышит» и «чувствует» со стороны, но строит себя. Если в Начале было Слово, то остальные слова произошли непосредственно из Слова. Такие слова рожают *sentiments* и *sens*: «чувство», являющееся смыслом. Гёте видел связи между различными составляющими символизма: аллегория превращает феномен в понятие, понятие – в образ. Понятие закрепляется и удерживается в образе (в ограниченном или полном виде) и выражается в нем. Символика превращает феномен в идею, идею – в образ, но так, что идея в образе остается активной и непостижимой. И даже будучи выражена на всех языках, она остается невыразимой.

«Чувство» соотносится с наивностью. По сути дела, о наивности размышляли все известные литераторы, философы Европы. На рубеже XVIII–XIX столетий это явление оказывается в центре внимания. Не случайно в качестве мыслителя, предвосхитившего данную философию, Г. Зиммель называет Гёте (что, конечно, не исчерпывает вопрос о предшественниках)²⁷.

Incipit homo, начинается человек. Это похоже на «пришествие» нового измерения, нередуцируемой глубины. Основной принцип – сложение образов, которые приобретают функцию «метафизического каталога», «собираательный» путь создания мира. Процесс собирания разного в единое и солидарное есть та лучшая «стратагема», которая может быть использована в ситуации разъединения. При этом – по идее – соединение-объединение, синтез тем прочнее, чем больше разного и даже противо-

²⁷ Зиммель Г. Гёте / Г. Зиммель. – М.: ГАХН, 1928. – С. 3.

положного охватывается этим собиранием воедино. Wort-Sinn-Kraft-Tat являют собой пример синтетического «словосочетания». Соотношение этих важнейших компонентов, а также и такого узлового понятия, как «жизненная сила», или дух, определяют разные модальности речи. В сюжете трагедии сплелись важнейшие иноформы исходного смысла трагедии – часть и целое. Возникает нечто вроде смысловой симметричной пары.

Образ является огромной жизнеобразующей силой. Жизнь развивается, растет, подобно дереву. Ведь и Фауст до конца не был в состоянии разобраться, что было первым и что последним камнем в возводимой им крепости «Нового духа». Он не всегда уверенно мог сказать, что нужна, интерес, отчаяние, расчет, протест обусловили его «перевоспитание», как они сочетались и что в этом процессе является главным, а что второстепенным. В «критической экзегезе» Писания Фауст «исследует» живую ткань. Он пробует самодельными нитями своего рассуждения сшить то, что видит. Сплетенная им ткань будет разорвана, он потонет в кажущихся аналогиях, соответствиях, параллелях, опутает себя новыми нитями.

Логос, одновременно мысль и слово, легко переходил из молчаливой в произнесенную форму. Но в нем предполагалась и борьба за слово: не там, где подыскиваются средства выражения, а там, где складывается или не складывается мысль (все равно, звучащая или нет). Слово перформативно: оно и есть само дело в первую очередь. Иначе язык используется с известной необязательностью, «вполсилы». Продолжая мысль Гёте, Готфрид Бенн, переживший две мировые войны, напишет: «Am Anfang, in der Mitte und am Ende war das Wort» [В начале,

в середине и в конце было слово]²⁸. Макс Вебер говорил о «практических импульсах к действию». Его манифест завершало четверостишие из «Фауста» о воле, которая движет человеком²⁹.

Литература

Авсоний Децим Магн. Стихотворения / Децим Магн Авсоний; [изд. подгот. М.А. Гаспаров, отв. ред. С.С. Аверинцев; Рос. акад. наук]. – М.: Наука, 1993. – 356 с. – (Серия «Литературные памятники»).

Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания / Избранные произведения // М. Вебер; [пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова]. – М.: Прогресс. 1990. – С. 345–415. – (Серия «Социологическая мысль Запада»).

Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Дж. Вико; [пер. с итал. и ком. А.А. Губера, под общ. ред. М.А. Лифшица]. – Л.: Худ. лит., 1940. – 619 с.

Гёте И.-В. Фауст / И.-В. Гёте; [пер. с нем. Н.А. Холодковского. авт. вступ. ст. С.В. Тураев] – М.: Дет. лит., 1973. – 352 с. – (Серия «Школьная библиотека»).

Гёте И.-В. Собрание сочинений: в 10 т. / И.-В. Гёте; [пер. с нем. Б.А. Пастернака, Н.С. Ман и др., под общ. ред. А.А. Аникста, Н.Н. Вильмонта]. – М.: Худ. лит., 1976. – Т. 2, 3.

²⁸ Benn G. Doppelleben. Zwei Selbstdarstellungen. – München: Deutscher Taschenbuch, 1967. – S. 103.

²⁹ Это слова Фауста из сцены «Vor dem Tor»: «Doch scheint die Göttin endlich wegzusinken; / Allein der neue Trieb erwacht, / Ich eile fort, ihr ew'ges Licht zu trinken, / Vor mir den Tag und hinter mir die Nacht, / Den Himmel über mir und unter mir die Wellen». В русском издании отрывок приведен в переводе Н. Холодковского: «Растет опять могучее желанье / лететь за ним и пить его сиянье, / Ночь видеть позади и день перед собой, / И небо в вышине, и волны под ногами». – См.: Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс. 1990. – С. 414. – (Серия «Социологическая мысль Запада»).

- Зиммель Г. Гёте* / Г. Зиммель; [пер. с нем. А.Г. Габричевского]. – М.: ГАХН, 1928. – 264 с.
- Крипке С. Загадка контекстов мнения* / С. Крипке // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 18. Логический анализ естественного языка; [пер. с англ., сост., общ. ред. и вступ. ст. В.В. Петрова]. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 18. – С. 194–241.
- Маковский М.М. Лингвистическая генетика: Проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках* / М.М. Маковский; [под ред. В.И. Шаховского]. – Изд. 2-е, испр., доп. – М.: ЛКИ, 2007. – 208 с.
- Платон. Собр. соч.: в 4 т.* / Платон; [пер. с древнегреч. Вл. С. Соловьева, под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи]. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – 862 с. – (Серия «Философское наследие»).
- Alexander W.M. Yohannes Georg Hamann: Philosophy and Faith* / W.M. Alexander // – The Hague: Nijhoff, 1966. – 212 p.
- Benn G. Doppelleben. Zwei Selbstdarstellungen* / G. Benn // München: Deutscher Taschenbuch, 1967. – 207 s.
- Buehner J.-A. Der Gesandte und sein Weg im 4. [vierten] Evangelium: d. kultur- u. religionsgeschichtl. Entwicklung* / Jan-A. Buehner; [Wissenschaftliche Untersuchungen Zum Neuen Testament]. – 2 Aufl. – Tuebingen: Mohr Siebeck, 1996. – 428 s.
- Die fünf Sinne. Beiträge zu einer medizinischen Psychologie* / Hrsg. M. Putscher. – München: Heinz Moos, 1978. – 200 s.
- Evans C.A. Word and Glory: On the Exegetical and Theological Background of John's Prologue* / C.A. Evans // Sheffield: ISOT Press, 1993. – 243 p.
- Fried M. Inherent vs. derived clisis: evidence from Czech proclitics* / M. Fried // Journal of linguistics. – 1999. – Vol. 35. – № 1. – P. 43–64.
- Goethe I.W.v. Werke: in 14 Bde./ I.W.v. Goethe; [textkritisch durchgesehen und kommentiert von E. Trunz]. – München, Verlag C.H. Beck, 1989. – Bd. 3.– 776 s.*
- Panofski E. Essais d'iconologie: les themes humanistes dans l'art de la Renaissance* / E. Panofski; [trad. C. Herbet et B. Teysseire]. – Paris: Gallimard, 1967. – 394 p.
- Wahrig G. Deutsches Wörterbuch* / G. Wahrig. – Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1997. – 6 Aufl. neu bearb. – 1420 s.